

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.5

Особенности передачи юмора через модальность в английском и татарском языках (на примере художественных произведений)

© Н. К. Муллагалиев*, В. Н. Хисамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, Республика Татарстан, 420008 г. Казань, улица Кремлевская, 18.

*Email: narkizmoullagaliev@mail.ru

Предлагаемая статья исследует особенности передачи юмористического компонента посредством функционально-семантической категории модальности в английском и татарском языках. Исследование основывается на аутентичном материале англо-американского («The catcher in the rye» Д. Сэлинджера) и татарского («Фатхулла Хазрат» Ф. Амирхана) художественных произведений. В ходе исследования производится сравнительно-сопоставительный анализ наиболее свойственных для каждого из языков функциональных и семантических единиц выражения модальных отношений, формирующих смешные ситуации с целью высмеивания героев или реалий объективной действительности. В результате исследования авторы выделяют, что юмористический эффект в английском языке достигается больше за счет контекста, тогда как в татарском языке центром построения комичных ситуаций выступают модальные элементы.

Ключевые слова: *сравнительно-сопоставительное языкознание, художественное произведение, модальность, средства выражения модальности, юмор, английский язык, татарский язык.*

Одним из перспективных направлений современной лингвистической науки является сравнительно-сопоставительное изучение классических произведений, относящихся к разным культурам и языкам, неродственным и далеким как географически, так и генеалогически (например, английский и татарский языки). Данный подход помогает выявлять характерные особенности каждого отдельного языка и в то же время указывает на общие признаки. Использование художественных произведений обеспечивает чистоту и оригинальность исследуемого языкового материала, делает возможным выявление наиболее значимых функционально-семантических компонентов. Характерной особенностью подобного анализа является то, что результат исследования предполагает не только теоретический материал по представленным языкам, но и практические выводы, которые могут быть в дальнейшем использованы в процессе художественного перевода произведений английских и татарских классиков.

В современном мире, где непрерывно идет процесс интеграции наций и народов, международного сотрудничества, возникает естественная необходимость в культурно-нравственных, исторических знаниях, в умении раскрывать и передавать главенствующие семейные ценности взаимодействующих культур. Данная проблема актуальна для английского и татарского языков: современные реалии ставят представителей, говорящих на татарском языке, рядом с англоговорящими народами (например, многочисленные международные научные, культурные и спортивные мероприятия, проводимые в Республике Татарстан) [13]. Вследствие этого возникает острая необходимость в непосредственной, правильной и полноценной

передаче речевых оборотов, моральных и эстетических норм, элементов экспрессии, юмора с одного языка на другой. Из всего перечисленного наиболее уязвимым и неоднозначным феноменом любого языка является юмористический компонент [5, p. 21], т.к. при неправильном переводе или неправильной трактовке довольно комичная ситуация может превратиться в непредсказуемый круговорот не очень приятных событий. Таким образом, исследование юмора с точки зрения языковых компонентов является чрезвычайно актуальной проблематикой для научной деятельности.

Данная работа направлена на сопоставительное изучение модальных компонентов, используемых для передачи юмора, в английских и татарских художественных произведениях. Модальные структуры, встречающиеся в юмористических произведениях, представляют большой интерес для изучения, т.к. будучи тесно связанными с мировоззрением автора, создаваемой в произведении обстановкой, исторической принадлежностью произведения, могут выражать самые различные уровни юмора или и вовсе указывать на серьезность высказанной идеи. Особым моментом является и то, что юмор всегда носит национальный характер и содержит большое количество оценочных и экспрессивных средств выражения языка [17]. Актуальность исследуемой тематики также вызвана тем, что современная литература редко затрагивает вопросы, связанные с комической модальностью. Поэтому сравнительно-сопоставительное изучение данной категории в рамках художественных произведений англо-американских и татарских классиков может стать одним из перспективных направлений в языкознании.

Интерес к данному вопросу вызван также большой сложностью анализа самих модальных конструкций. Так как называя модальность функционально-семантической категорией языка, мы говорим не только о модальных словах, но и об интонации, эмоциональном состоянии говорящего, об экспрессии целого произведения [10]. Тем более, как в английском, так и в татарском языкознании категория модальности неоднозначна: существует огромное количество слов, которые могут выражать модальные отношения и которые состоят из множества подтипов, в зависимости от того, что они выражают [1–3, 6–9]. Так, например, в татарском языке В. Н. Хангильдин выделяет три типа модальных элементов – самостоятельное слово (мөстәкыйль сүз), вспомогательное слово (ярдәмлек сүз), междометное слово, или междометие (ымлык сүз). Он называет их новым течением для татарской грамматики и утверждает, что «изучением этих слов еще никто в татарской грамматике не занимался» [15, с. 302]. Здесь он также отмечает, что русские грамматисты определили эти слова в отдельную категорию, которую назвали «модальные слова» [15, с. 302]. В. Н. Хангильдин называет слова, относящиеся к данной категории, татарским термином «мөнәсәбәтлек», который на русский язык может быть переведен как «означающий отношение к чему-либо, несущий в себе дополнительный смысл». Данные слова автор делит на восемь категорий: слова заключительные или подводящие итог (йомгаклау яки нәтижә мөнәсәбәтлекләре – *бәс, димәк*), ограничительные слова (чикләну мөнәсәбәтлекләре – *ниһаять, ахры, ичмаса*), слова, выражающие сомнение (шикләнү мөнәсәбәтлекләре – *ахрысы, ахры*), слова, выражающие тождественность, схожесть (охшашу-тиңләшү мөнәсәбәтлекләре – *гүя, янасе*), приписывающие слова (япсару мөнәсәбәтлеге – *ди, дигән, диләр*), слова, несущие в себе смысл утешения (тынычлану – юану мөнәсәбәтлеге – *хәер*), слова, уточняющие и передающие основную идею (тәржемәләү мөнәсәбәтлеге – *ягъни, димәк*), слова, обозначающие доказательство (дәлилләү мөнәсәбәтлеге – *мәсәлән*). Английский язык также насчитывает большое количество лексических единиц, которые используются для

выражения модальности [8]. Они, в свою очередь, могут быть представлены именами существительными (*possibility, unwillingness*), именами прилагательными (*clear, obvious, difficult*), наречиями (*certainly, surely, carefully*), глаголами. Условно модальные глаголы можно разделить на истинно-модальные (*can, could, may, might, will, shall, would, should, must*), полумодальные (*dare, need, ought to, used to*), глаголы с модальным значением (*have to, be going to, be able to*), формы с глаголом *to be* как отдельный большой пласт (*be to, be able to, be about to, be allowed to*), глаголы, выражающие отношение к высказываемому или к говорящему (*appear, feel, know, reckon*), глаголы в повелительном наклонении. Сюда же можно отнести и модальные фразы, образованные с использованием модальных слов: фразы-существительные (*a snob dad, far side, this way*), глагольные фразы (*should be, might have been*), фразовые прилагательные (*more and more difficult, dark brown, lovely pink*) и фразовые наречия (*more slowly, quite regularly, too close*). Особенную роль в формировании модальности играют и вводные фразы, используемые для приведения примера, выражения противопоставления, следствия, уступки, дополнения и т.д. Несмотря на небольшие отличия в классификации модальных слов английского и татарского языков, лексические средства выражения модальности в обоих языках составляют основную массу средств выражения модальных отношений [12].

Функционально-семантическая категория модальности в английском и татарском языках также может быть выражена на грамматическом, синтаксическом, семантическом и стилистическом уровне. К средствам выражения модальности можно отнести и просодические элементы языка: фразовое ударение (в татарском фраза басымы), пауза (в татарском пауза), логическое ударение (в татарском логик басым), «эмотивное ударение» (в татарском тойгы басымы), «мелодика речи» (в татарском сөйләм көе). В создании юмористического эффекта в художественных произведениях могут участвовать и другие формы выражения модальности, которые представляют собой сложное сочетание вышеперечисленных инструментов [13].

Исследование модальных структур английского и татарского языков в сравнительно-сопоставительном плане было бы правильно организовать на основе аутентичных художественных произведений татарских и англо-американских авторов, содержащих юмористический компонент. В рамках данного исследования мы выбрали произведение татарского писателя Фатиха Амирхана «Фатхулла Хазрат», в котором автор попытался представить идеальный мир будущего с истинными ценностями татарского народа и достижениями европейского уровня. Английские примеры модальных конструкций были получены методом сплошной выборки из художественного произведения «The catcher in the rye» Джерома Сэлинджера, который содержит большое количество юмористических элементов, выраженных при помощи модальных конструкций исследуемого языка. Эти два произведения объединяет то, что в них главные герои попадают в реальность, которая их абсолютно не устраивает, которая им чужда и непонятна. Это и является главной причиной комичности всех описываемых ситуаций, для передачи которых автор часто прибегает к модальным конструкциям.

В рамках данного исследования мы сгруппировали значения, которые передаются при помощи модальных конструкций в том или ином языке. При этом частота употребления определенных модальных оборотов в художественных произведениях для выражения юмора являлась основным критерием отбора материала для исследования. Функционально-семантическая категория модальности в произведении Фатиха Амирхана «Фатхулла хазрат» выражается в основном лексически, т.к. слова и словосочетания являются основными формами трансляции модальных отношений в татарском языке. В данном произведении юмор строится на

основе неизбежности ситуации, в которой оказывается главный герой Фатхулла, который раньше был известен своими нравами: чрезвычайной самоуверенностью и религиозностью, с одной стороны, и свободолюбием и распущенностью, с другой. Само сочетание таких специфических характеристик в натуре главного персонажа порождает юмористический компонент, который поддерживается и усиливается модальными конструкциями [12]. После воскресения Фатхулла не понимает, где он оказался, и пытается понять ситуацию. В речи героя встречаются модальные глаголы в дедуктивном значении, что свойственно для татарского языка: «Юк, бу жәнәт түгел, жәнәттә Кафур, Сәлсәбил елгалары **булырга кирәк**, пулатлар урынына чатырлар булырга кирәк, стенасы гәүһәрдән булырга кирәк, хур кызлары үзләре килеп куштанланьрга тиеш, – дип сөйләнен, үзенең кайда икәнәнә тугрысынада бөтенләй аптырашта калды» [11, с. 14]. «Жәнәт **дияр иде**, халкы һәммәсе эшләпәле һәм урыс киемле» [11, с. 15]. «Тәрәккый, тәрәккый дигән булдыңыз, **фаразан**, тәрәккыеңыз бары фетнәгә генә, мәсәлән, мофзый булды» [11, с. 58]. Выделенные модальные конструкции могут быть переведены как «возможно, вероятно, должно быть» и выражают догадку, представление, сопоставление реальности с кругозором. Читатель при этом вынужден улыбнуться, так как видит, что главный персонаж пытается осмыслить современный мир на основе своего узкого кругозора, примитивных знаний и сопоставить реальность с религиозными персонажами, которые лежат в его сознании. Смех вызывает и сама манера общения хазрата. Он то впадает в истерику, то чувствует себя очень уверенно и не возмутительно, впадает в раздумья и начинает о чем-то пылко спорить, используя при этом вводные элементы, переводимые как «так, таким образом, допустим» и т.д. «**Ягъни, әйе**, шәехем Ишмөхәммәт хәзрәтемнән аердылар... – диде дә артык сүзендә давам итә алмый елап жиберде» [11, с. 111]. «Ярый, ярый, кодача. Ходай, **мәсәлән**, шифасыны бирсен» [11, с. 116].

Модальные конструкции в дедуктивном контексте свойственны и для английского языка. Мы часто встречаем предположение, допущение, выражение вероятности и возможности при помощи модальных глаголов и слов с модальным значением [2]. В произведении «The catcher in the rye» автор употребляет формы выражения ирреальной модальности, которые указывают на вероятность, гипотетичность ситуации. Как и в татарском произведении, юмористический эффект достигается уместным употреблением модальных конструкций в правильном контексте. Модальные слова не создают юмор сами по себе, но многократно усиливают ироничность высказываний главного героя Холдена. При этом больше всего встречаются формы *would, can be, could, may, should, probably, must*. Получается, что для построения юмористической ситуации автор постепенно готовит читателя к специфическому юмору, создавая необходимый контекст: использует неформальные обороты (*sort of fat or corny-looking or something, a phony smile, stuff*), описывает нелепую ситуацию, создавая типичные и смешные образы (*that wear those suits with very big shoulders and corny black-and-white shoes*). Уставший от однообразия Холден часто употребляет *would* (в русском языке соответствует форме «бы»), чтобы указать на обыденность, повторяемость действий. «*I mean if a boy's mother was sort of fat or corny-looking or something, and if some-body's father was one of those guys that wear those suits with very big shoulders and corny black-and-white shoes, then old Hans **would** just shake hands with them and give them a phony smile and then he'd go talk, for maybe a half an hour, with somebody else's parents. I can't stand that stuff*» [11, p. 20]. Рутинность и однообразность жизни главный герой сравнивает с музеем, где никогда ничего не происходит и никогда ничего не меняется. В следующем примере мы также наблюдаем фразы, которые создают определенную атмосферу восприятия:

просторечный оборот (*a hundred thousand times*), отклоняющиеся грамматические формы (*the deers*), повторение (*Nobody'd... Nobody'd*). «*The best thing, though, in that museum was that everything always stayed right where it was. Nobody'd move. You could go there a hundred thousand times, and that Eskimo would still be just finished catching those two fish, the birds would still be on their way south, the deers would still be drinking out of that water hole, with their pretty antlers and their pretty, skinny legs, and that squaw with the naked bosom would still be weaving that same blanket. Nobody'd be different*» [4, p. 43].

Остальные формы описывают вероятность действий, выражают возможность. При этом каждая форма имеет определенный оттенок. Например, формы *can*, *would*, *should* указывают на вероятность и могут быть переведены как «может быть, возможно, должно быть» и т.д. «*Everything was a very big deal. He came over to me and gave me these two playful as hell slaps on both cheeks – which is something that can be very annoying. I don't mean he was a bad guy – he wasn't*» [4, p. 3]. «*But you don't have to be a bad guy to de-press somebody – you can be a good guy and do it. All you have to do to depress some-body is give them a lot of phony advice while you're looking for your initials in some can door – that's all you have to do*» [4, p. 22]. «*In the first place, that stuff bores me, and in the second place, my parents would have about two hemorrhages apiece if I told anything pretty personal about them*» [4, p. 1]. «*You should've seen the way he did with my roommate's parents*» [4, p. 2]. Форма *probably*, *may*, *must* (вероятно, возможно, должно быть) используется, чтобы выразить возможность какого-либо действия. «*I'll bet a thousand bucks the reason they did that was because a lot of guys' parents came up to school on Sunday, and old Thurmer probably figured everybody's mother would ask their darling boy what he had for dinner last night, and he'd say, "Steak." What a racket*» [4, p. 13]. «*Then again, you may pick up just enough education to hate people who say, "It's a secret between he and I." Or you may end up in some business office, throwing paper clips at the nearest stenographer*» [4, p. 66]. «*He must've picked up that goddam picture and looked at it at least five thousand times since I got it*» [4, p. 8]. В приведенных примерах юмористический контекст строится на таких элементах, как просторечные выражения, которые могут иногда граничить с ненормативной лексикой (*a very big deal, phony advice, anything pretty personal, two hemorrhages apiece, that goddam picture, five thousand times*), саркастические выражения, скорее вызванные завистью главного героя (*their darling boy, that stuff bores me*), выражения, описывающие его отношение к действительности (*came over, two playful as hell slaps, in some can door*), выражения, которые призваны высмеивать невежество окружающих (*pick up just enough education, he and I*).

Принятие главным героем окружающей действительности автор произведения «Фатхулла хазрат» также описывает через модальные формы, которые указывают на неизбежность ситуации и болезненное повиновение, принятие, хоть и с огромным нежеланием, действительности. «*Халык минем болай намаз вакытында урыс өйләрендә йөргәнемне күрсә, нишләтер? – дип Әхмәткә ялынып караса да, Әхмәтнең бер дә әһәмият бирмәве сәбәпле, елый-елый автомобильдән төшен өйгә керергә мәҗбүр булды*» [11, с. 12]. Выделенный фрагмент переводится как «заставил выйти из автомобиля и зайти в дом». Следующий пример по модальному значению является идентичным «заставил обернуться»: «*Әфәндем, артык йомышыгыз юкмы? – дию аны әйләнеп карарга мәҗбүр итте*» [11, с. 15]. Предложение в отрицательной форме и глагол *торды*, указывающий на длительный процесс, переводятся как «не смог оторвать глаз». «*Хәзрәт берничә минутлар бунлардан күзләрен ала алмый торды*» [11, с. 45]. Слово «хәер» (вероятно; возможно; пусть; что будет, то будет) в татарском языке употребляется, когда говорящий допускает возможность, но при этом не принимает или не понимает

эту действительность: «*Хәер, адәмнәр күккә дә тыныч кына караңгыланып торырға ирек бир-миләр иде: һәрбер очучының янындагы электрик кояшы, атылган йолдыз (шиһабә сакыйб) шикелле, бу очсыз-кырыйсыз караңгылыкны яра да, менә, менә жир йөзәндәге караңгылыкны жиңгән адәмнәр тиз заманда үз өсләрендәге караңгылыкка да чынлап каршы торырлар шикелле тоела иде*» [11, с. 65].

Неизбежность и принятие неизбежности в английском языке осуществляются при помощи модальных конструкций **have to**, **let**, **make** (приходится, позволять, заставлять). Так же, как и в татарском языке, в конструкциях такого рода появляется драматизм, сопровождающийся юмором. Использование таких сюжетов раскрывает внутренние противоречия героев, наполняет произведение реализмом, делая его ближе к жизни. «*It's funny. You don't have to think too hard when you talk to a teacher*» [4, p. 5]. «*You have to be in the mood for those things. "I thought she went to Shipley. I could've sworn she went to Shipley"*» [4, p. 12]. «*I have to admit it. Then, all of a sudden, I got this idea. I took out my wallet and started looking for this address a guy I met at a party last summer, that went to Princeton, gave me*» [4, p. 23]. «*Guys that are very boring – But I have to be careful about that*» [4, p. 44]. Глагол **have to** указывает на ситуативную необходимость выполнения действия. Форма **let** используется для того, чтобы допускать вероятность действия. Герой использует данный глагол, указывая на то, что примирился с окружающей ситуацией и больше не стремится бороться и что-либо менять, позволяя вещам оставаться такими, какие они есть, пуская все на самотек. «*Besides, if she thought Pencey was a very good school, let her think it*» [4, p. 72]. Модальный глагол **make** выражает необходимость выполнения действия, независимо от желаний говорящего. «*But this damn article I started reading made me feel almost worse. It was all about hormones*» [4, p. 69]. «*That made me even more depressed. I hardly even had the guts to rub it off the wall with my hand, if you want to know the truth*» [4, p. 72]. В сочетании с выражениями *this damn article, was all about hormones, had the guts* и грамматическим оборотом, выражающим условность *if you want to know the truth*, модальные глаголы выступают в роли катализатора процесса построения комической ситуации.

Комичные ситуации также связаны с консервативными взглядами главного героя, его статусом в прежней жизни, когда он, будучи Хазратом (религиозный деятель), привык указывать и требовать повиновения, привык учить жизни и укорять, если кто-то повел себя не так, как учит религия, как указывают традиции и обычаи. Хотя при этом он очень часто сам же и нарушал как религиозные, так и поведенческие каноны, будучи человеком капризным и охотным на приключения. Свое поведение он сохранил и после воскрешения и продолжает наставлять всех окружающих, иногда и не понимая реальной обстановки дел, часто использует слова «должен, необходимо, нужно, нельзя не» и т.д. «*Ахыры, егеткә бу көннен гает көне икәнәне, шуңар күрә, чалма-чапан киен, гатырша мае сөрттергә тиеш икәнәне сөйләргә тотынды*» [11, с. 29]. «*Сезнең, фаразан, бөтен киём-салымыңызны һәм үзеңне өч кат комган белән йөгертеп чыгарга кирәк*» [11, с. 86]. «*Әгәр ата-ана, голәмә хақына белә торган кеше булсаңыз, аш янында ялан баш утырмас идегез шул, – дип кенә куйды*» [11, с. 20]. «*Дуктыр, дуктыр, әмма пәри-җен зарарыннан килгән авыруны өшкерүсез бер эш эшләтер хәл юк*» [11, с. 26]. «*Әхмәт, хәзер һәркем ялан баш намаз укый дип, ышандырырга тырышса да, хәзрәтне бу эшкә риза итә алмады*» [11, с. 29]. «*Хәзер госманлы төрекләре дә гарәп хәрефләренең безнең төрек-монгол телләренә муафикъ түгеллекне белделәр һәм төзәтелгән уйгур хруфатыны кабул иттеләр, – диде һәм, озын сөйләп, нокталы хәрефләренең истигъмалъ өчен бик уңайсызлыгыны, гарәп хәрефләре шикелле тавышлы (хәрәкә урынына языла торган) хәрефләре житешлексез хруфат илә һичбер төрле*

имла ясарга **мөмкин түгел** икәнчелекене баян итте» [11, с. 42]. Хазрат очень часто нарушает рамки приличного поведения и слышит упреки со стороны сына и родственников. Создается впечатление, что он ведет себя как ребенок, а его сын и невестка выступают в качестве его наставников, что, конечно, для главного героя неестественно и возмутительно. Автор, таким образом, строит юмор на семейных взаимоотношениях Хазрата и его современных родственников. Его очень часто порицают за увлеченность молодыми девушками: «*Ах, оятсыз карт! Син безнең жыенны әуәлге замандагы авыл кызларының аулак өйләре дин белдеңмени?*» [11, с. 94]. «*Сине, эти, әдәпкә өйрәтер өчен ибтидаи мәктәпкә бирми ярамый инде, – диде*» [11, с. 104].

В отличие от персонажа татарского произведения главный герой «The catcher in the rye» Холден все подвергает сомнению, сравнивает окружающую действительность со своим внутренним миром. Поэтому сильные модальные глаголы, которые в «Фатхуллы хазрат» главный герой использует как указ всем окружающим, в английском произведении используются в основном для построения вопросительных предложений. Холден ведет рассказ, отвечая на свои вопросы. «*“Must we pursue this horrible trend of thought?” I didn’t say anything*» [4, p. 52]. «*“Must we go on with this inane conversation?” “Listen, I’m serious,” I said. “No kidding. Why’s it better in the East?”*» [4, p. 52]. Юный студент не уверен в своих силах и убеждениях, но категоричен и настойчив, использует большое количество модально окрашенных выражений. В сочетании с необходимыми лексическими компонентами (*hot as a firecracker, for the rest of my life, say hello to her before they did*) они создают юмористическую атмосферу. Автор выдает довольно простые вещи как очень серьезные, жизненно важные явления. «*I know that’s impossible, but it’s too bad anyway. Anyway, I kept thinking about all that while I walked*» [4, p. 44]. «*I said it very fast because I wanted to stop him before he started reading that out loud. But you couldn’t stop him. He was hot as a firecracker*» [4, p. 5]. «*Then, finally, I woke her up. I mean I couldn’t sit there on that desk for the rest of my life, and besides, I was afraid my parents might barge in on me all of a sudden and I wanted to at least say hello to her before they did*» [4, p. 58].

Возмущение главного героя занимает особое положение во всем произведении. Для создания смешных моментов автор прибегает к различным формам модальных конструкций. «*Шулай, шулай, яр кабыргасын шайтан камчысының! Йомшаклык күрсәтсәң, башыңа, мәсәлән, менеп утыралар анлар!*» [11, с. 105]. «*Ызнакум, зинһар өчен әйт, безнең мөселман голәмасыны, мәсәлән, ник болай жафалыйсыз?*» [11, с. 95].

Для выражения недовольства и возмущения Холден пользуется сочетаниями модальных глаголов с ругательными словами (что за черт, черт побери), тем самым усиливает эффект экспрессивности. «*What the hell’s in that bag? I don’t need anything. I’m just going the way I am. I’m not even taking the bags I got at the station*» [4, p. 73]. «*How the hell could we go to New York if she only signed out for nine-thirty?*» Иногда усиление происходит и за счет контекста, где автор прибегает к отрицательным формам. «*What I did was, I pulled the old peak of my hunting hat around to the front, then pulled it way down over my eyes. That way, I couldn’t see a goddam thing*» [4, p. 8]. Данный подход подчеркивает характер молодого человека, который не согласен с тем, что происходит вокруг, он во многом видит незначительное и ненужное, неестественное, выражает свое непонимание и неприязнь к обществу, недоумеваает. «*“How the hell should I know a stupid thing like that?” “Well, don’t get sore about it,” I said*» [4, p. 29].

Следующая группа юмористических ситуаций основана на фантазиях главного героя, где он допускает различные сюрреалистические сюжеты, возвращается в былые времена, мечтает, выступает в качестве стороннего обозревателя того, что происходит вокруг него,

отказываясь при этом верить. «*Шушы бакчада, мәсәлән, кочаклашып биермез микән инде?*» [11, с. 67]. «*Әйе, имеш тә, миллионлап акча ясаганнар икән, ясасалар, фаразан, үзләре тырышып ясадылар, гомерләре буена өсләренә жүнле кием дә кимәделәр! – диде*» [11, с. 90]. «*Гильми симия белгәч тә, анлар, балки, гыйльми шәригать тә беләмез дип уйлаганнардыр, хи-хи-хи... – дип көлеп жибәрде*» [11, с. 111]. «*Тиз заманда гыйлем бирәләр, имеш!*» [11, с. 91]. Выделенные слова могут быть переведены как «будем ли, дескать, мол, может» и т.д.

Герой «The catcher in the rye» допускает много вероятностей, представляет другую, более гармоничную, правильную, по его мнению, реальность. Холден использует большое количество слов, указывающих на вероятность, возможность, гипотетичность (возможно, едва ли, возможно/нельзя представить). «*And they probably came to Pencey that way*» [4, p. 1]. «*She probably knew what a phony slob he was*» [4, p. 2]. «*What made it even more depressing, old Spencer had on this very sad, ratty old bathrobe that he was probably born in or something*» [4, p. 3]. «*He was probably the only guy in the whole dorm, besides me, that wasn't down at the game. He hardly ever went anywhere*» [4, p. 7]. «*Boy, did it scare me. You can't imagine. I started sweating like a bastard – my whole shirt and underwear and everything*» [4, p. 70].

Говоря о юморе в рамках художественного произведения, довольно сложно разграничить модальные элементы, которые бы отвечали только за создание юмористического эффекта от тех, которые не имеют к этому никакого отношения. В процессе исследования необходимо учитывать особенность построения текста, менталитет автора, язык, на котором написано произведение. При этом особое внимание необходимо уделять контексту, созданному автором образу главного героя и другим особенностям художественного слова. Тем не менее можно сделать следующие выводы:

- как в английском, так и в татарском, языковая категория модальности принимает непосредственное участие в создании юмористического эффекта в художественных произведениях. Это связано с тем, что, во-первых, функционально-семантическая категория модальности охватывает все слои языка и универсальна для любого контекста, во-вторых, юмор, будучи экспрессивным элементом языка, прямым образом подразумевает эмоционально-модальный окрас.
- юмор в художественном произведении как на английском языке, так и на татарском в основном передается посредством модальных слов и конструкций, которые включают в себя особые грамматические проявления (сослагательное наклонение, инверсия), модальные глаголы, имена существительные и имена прилагательные с модальным значением, вводные и связующие элементы языка.
- в силу языковых, культурно-нравственных особенностей двух неродственных языков и, возможно, приемов построения текста английского и татарского авторов, целевой аудитории, посылка самого художественного произведения можно отметить некоторые отличия в употреблении модальных конструкций. А именно, в татарском языке модальные слова являются непосредственным центром, источником построения комичных ситуаций, тогда как в английском языке юмористический эффект больше достигается за счет контекста, и модальность не является сам по себе центром передачи повышенных эмоций.

Сравнительно-сопоставительное изучение англо-американских и татарских художественных произведений в юмористическом контексте делает возможным выявление как функционально-семантических, так и культурно-нравственных особенностей исследуемых языков.

Полученные результаты исследования расширяют понимание языковой категории модальности, предоставляют теоретический и практический материал, который возможно использовать в процессе художественного перевода между английским и татарским языками.

Литература

1. Blake B. J. *All about language*. New York: Oxford University Press, **2008**. 322 p.
2. Coates J. *The semantics of the Modal auxiliaries*. London: Croom Helm, **1983**. 259 p.
3. Cruse A. *Meaning in language. An introduction to Semantics and pragmatics*. New York: Oxford University Press, **2004**. 441 p.
4. David S. *Catcher in the rye. English reading*. Moscow: KARO, **2011**. 288 p.
5. Goatly A. *Meaning and humour*. Cambridge: Cambridge University Press, **2012**. 361 p.
6. Levinson S. *Pragmatics*. New York: Cambridge University Press, **2008**. 420 p.
7. Lyons J. *Language and linguistics: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, **2009**. 356 p.
8. Palmer F. R. *Modality and the English Modals*. London, New York: Longman, **1979**. 196 p.
9. Radford A. *Linguistics an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, **2009**. 433 p.
10. Ахунзянова Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, **2012**. 214 с.
11. Эмирхан Ф. *Фэтхулла хазрэт*. Казань, **1928**. 110 б.
12. Барабанова И. И. О природе комического и формах его проявления в текстах // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сб. статей итоговой научно-практической конференции, 24–25 марта 2011 г. С. 339–353.
13. Муллагалиев Н. К. Лексико-семантические средства выражения модальности в художественных произведениях Гарриет Бичер Стоу и их переводы на татарский язык // *Историческая и социально-образовательная мысль*. **2015**. Т. 7. №7. С. 258–263.
14. Муллагалиев Н. К. Модальность художественного текста: (на материале английского и татарского языков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, **2016**. 199 с.
15. Хангилдин В. Н. *Татар теле грамматикасы (морфология һәм синтаксис)*. Казан: Татарстан китап нәшрияты, **1959**. 641 б.
16. Хисамова В. Н., Муллагалиев Н. К. Императивная модальность в англо-американских художественных произведениях и их переводы на татарский язык // *Историческая и социально-образовательная мысль*. **2015**. Т. 7. №7. Ч. 2. С. 293–298.
17. Хисамова В. Н. Лексические особенности перевода с английского языка на татарский язык (на материале юмористических произведений классиков английской литературы) // *Научный Татарстан*. **2012**. №1. Гуманитарные науки. С. 202–205.

Поступила в редакцию 19.05.2020 г.

После доработки – 18.06.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.5

Peculiarities of expressing humor by means of modal elements in English and Tatar languages (based on the fiction analysis)

© N. K. Mullagaliev*, V. N. Khisamova

*Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya Street, 420008 Kazan, Republic of Tatarstan, Russia.*

**Email: narkizmoullagaliev@mail.ru*

The article explores the features of transmitting humor by means of a functional-semantic category of modality in the English and Tatar languages. The work is based on the authentic material of Anglo-American ("The catcher in the rye" by D. Salinger) and Tatar ("Fathulla Hazrat" by F. Amirkhan) fiction. The novels chosen provide unique examples of literature, describing inner conflicts of the heroes and their efforts to contradict the realities of life by revolting against the role models of the society they occur in. This fact presupposes a very interesting research material that can be described as an interweaving of humor and embarrassment, where the authors of the novels use a wide range of modal expressions. During the study, the authors provide comparative analysis of modal relations carrying humoristic effect and define the most typical features for each of the languages. Thus, many funny situations ridiculing heroes or objective reality are explained via the semantic framework of modal elements. As a result of the study, the authors describe the most common means of the languages used to display modality and show the possible links between modal expressions of English and Tatar. Moreover, the authors highlight that the humorous effect in English is mostly achieved by means of context, whereas in Tatar, modal elements come as an axis of bearing the construction of all the comical situations.

Keywords: comparative linguistics, fiction, modality, means of expressing modality, humor, English, Tatar.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Mullagaliev N. K., Khisamova V. N. Peculiarities of expressing humor by means of modal elements in English and Tatar languages (based on the fiction analysis) // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 196–206.

References

1. Blake B. J. *All about language*. New York: Oxford University Press, 2008.
2. Coates J. *The semantics of the Modal auxiliaries*. London: Croom Helm, 1983.
3. Cruse A. *Meaning in language. An introduction to Semantics and pragmatics*. New York: Oxford University Press, 2004.
4. David S. *Catcher in the rye. English reading*. Moscow: KARO, 2011.
5. Goatly A. *Meaning and humour*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
6. Levinson S. *Pragmatics*. New York: Cambridge University Press, 2008.
7. Lyons J. *Language and linguistics: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
8. Palmer F. R. *Modality and the English Modals*. London, New York: Longman, 1979.
9. Radford A. *Linguistics an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. Akhunzyanova R. R. Epistemicheskaya modal'nost' i sredstva ee vyrazheniya v angliiskom i tatarskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2012.
11. Əmirkhan F. *Fətkhulla khəzrət*. Kazan, 1928.

12. Barabanova I. I. Istoriya Rossii i Tatarstana: itogi i perspektivy entsiklopedicheskikh issledovaniy: Sb. statei itogovoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 24–25 marta 2011 g. Pp. 339–353.
13. Mullagaliev N. K. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. **2015**. Vol. 7. No. 7. Pp. 258–263.
14. Mullagaliev N. K. Modal'nost' khudozhestvennogo teksta: (na materiale angliiskogo i tatarskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', **2016**.
15. Khangildin V. N. *Tatar tele grammatikasy (morfologiya ham sintaksis)*. Kazan: Tatarstan kitap nashriyaty, **1959**.
16. Khisamova V. N., Mullagaliev N. K. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. **2015**. Vol. 7. No. 7. Pt. 2. Pp. 293–298.
17. Khisamova V. N. *Nauchnyi Tatarstan*. **2012**. No. 1. Gumanitarnye nauki. Pp. 202–205.

Received 19.05.2020.

Revised 18.06.2020.